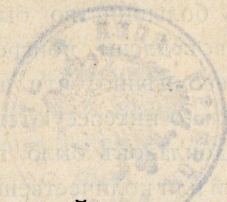

Псих. кл. 142

Четвертый международный психологический конгрессъ въ Парижѣ (20/7—25/12 августа 1900 г.).

I.

Четвертый психологический конгрессъ доказалъ жизненность и необходимость этихъ конгрессовъ, большой интересъ къ психологіи, большое значеніе этой науки въ наше время. Еще и теперь многіе сомнѣваются въ самомъ существованіи научной психологіи, многіе увѣрены, что психологіей занимаются только закоренѣлые метафизики. Четыре психологическихъ конгресса доказали, что психологія развивается, разрабатывается и философами, и психологами, и физиологами, и врачами; задачи ея все болѣе расширяются, и она пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе.

Успѣхъ настоящаго конгресса, какъ это вполнѣ вѣрно указалъ въ своей заключительной рѣчи профессоръ Кюльпе, зависѣлъ отъ прекраснаго состава правленія конгресса; а предсѣдателемъ сѣзда былъ Рибо—психологъ-философъ; вице-предсѣдателемъ былъ Рише — психологъ - физиологъ; наконецъ, патологическую психологію, имѣющую такое важное значеніе, изучаетъ секретарь сѣзда Пьеръ Жанэ; такимъ образомъ, всѣ главныя отрасли психологіи нашли въ лицѣ членовъ правленія сѣзда достойныхъ представителей и защитниковъ. Матеріальнымъ успѣхомъ четвертый конгрессъ обязанъ энергіи и любезности Пьера Жанэ, много потрудившагося и до и во время конгресса; этотъ молодой талантливый ученый былъ душою сѣзда, и всѣ докладчики и члены конгресса вспомнятъ съ благодарностью о дѣятельности этого образцоваго секретаря.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

1913.424

Число членовъ достигало весьма значительной цифры—а именно до 400; между ними были теологи, философы, психологи, биологи, врачи, социологи; особенно много было врачей, а именно до 100; изъ нихъ большинство были психіатры. Если можно сомнѣваться, что всѣ члены конгресса серьезно интересовались психологіей, то несомнѣнно, что всѣ лица, представившія доклады, уже не только интересуются психологіей, но и работаютъ по психологіи; а докладовъ было заявлено до 200; такимъ образомъ, съ внѣшней или количественной стороны конгрессъ можно считать вполне удавшимся. Понятно, я не рѣшаюсь судить о качествѣ или достоинствѣ докладовъ, но если даже меньшинство этихъ докладовъ имѣетъ серьезное значеніе, то и въ такомъ случаѣ конгрессъ принесъ существенную услугу наукѣ, и его труды оставляютъ замѣтный слѣдъ въ развитіи психологіи.

Необходимо, однако, отмѣтить весьма печальное явленіе: наиболѣе выдающіеся психологи не пріѣхали на конгрессъ; но они отсутствовали и на предыдущихъ конгрессахъ; можно только пожалѣть, что Вундтъ, Джемсъ, Ломброзо, Штумпфъ, Ферри, не сочли нужнымъ участвовать въ занятіяхъ конгресса.

Правленіе конгресса прекрасно распредѣлило наши занятія; а именно, ежедневно по утрамъ работали въ секціяхъ; въ 2¹/₂ ч. происходили общія собранія. Общихъ собраній было шесть; первое было 20го/7 августа; предсѣдатель прочелъ рѣчь «О развитіи психологіи со времени послѣдняго психологическаго конгресса», а профессоръ Эббингаузъ прочелъ свою работу «Психологія теперь и сто лѣтъ тому назадъ». Оба оратора убѣдительно доказывали, что психологія быстро развивается, область ея изслѣдованій расширяется. Рибо указалъ, что въ Германіи, по преимуществу, занимаются экспериментальной психологіей, во Франціи и въ Италіи—патологической психологіей, а въ Англии—наблюдательной психологіей.

Эббингаузъ особенно настаивалъ на томъ, что въ XIX-мъ столѣтіи психологія сдѣлала громадныя успѣхи. Въ XIX-мъ столѣтіи была разработана физиологія и патологія головного мозга, что имѣло громадное значеніе въ развитіи психологіи. Не меньшее значеніе имѣло примѣненіе опыта въ психологіи; созданы и разработаны совершенно новые, вполне точныя методы изслѣдованія; пока опытъ возможенъ при разработкѣ только немногихъ вопросовъ психологіи, но область его примѣненія все расши-

руется и будетъ расширяться. Вслѣдствіе успѣховъ анатоміи и физиологіи и сближенія психологіи съ этими науками, разработанъ новый отдѣлъ психологіи—*физиологическая психологія*. Открытіе новыхъ методовъ изслѣдованій создало *экспериментальную психологію*. Изученіе патологіи нервной системы еще болѣе расширило область психологическихъ изслѣдованій, и *патологическая психологія* завоевала себѣ право гражданства. Изученіе преступниковъ еще болѣе расширило область психологіи, почему въ настоящемъ конгрессѣ была секція, посвященная *соціальной психологіи*. Не малое значеніе для развитія психологіи имѣло изученіе гипнотизма и внушенія; этими вопросами, имѣющими немаловажное значеніе для психологіи, занимаются столь многіе, что понадобилась особая секція.

Такимъ образомъ, въ теченіе ста лѣтъ психологія не только выработала новые методы изслѣдованія, сблизилась съ естественными науками, не только на много приблизилась къ идеалу всякой науки—точности, но и на много расширила область своихъ изслѣдованій, поставила много совершенно новыхъ задачъ. Психологія теперь обнимаетъ неизмѣримо большую область изслѣдованій, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Несомнѣнно, что психологія въ XIX столѣтіи сдѣлала не меньшіе успѣхи, чѣмъ другія науки; развитіе ея не закончено; напротивъ, теперь выдвинуто гораздо болѣе задачъ, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, почему въ текущемъ столѣтіи по психологіи будутъ работать еще больше, чѣмъ въ прошломъ.

Докладъ профессора университета въ Токио Танимото «Историческая замѣтка о психологіи въ Японіи» не былъ прочтенъ авторомъ, о чемъ едва ли стоитъ сожалѣть, такъ какъ изъ резюме этого доклада, представленнаго въ конгрессъ, видно, что въ Японіи изучаютъ преимущественно англійскихъ и французскихъ психологовъ; а это мы уже знали.

Второе общее собраніе было посвящено «физиологіи головного мозга», третье—«изслѣдованіямъ явленій сомнамбулизма», четвертое—«философскимъ работамъ по психологіи», пятое—«экспериментальной психологіи», шестое—«соціальной и патологической психологіи». Для общихъ собраній были избраны доклады болѣе обширные по объему и болѣе общаго характера, но существенно не отличающіеся отъ тѣхъ, которые были сообщены въ засѣданіяхъ секцій, почему, въ видахъ систематичности изложенія, я

буду говорить вмѣстѣ о докладахъ общихъ собраній и докладахъ, прочитанныхъ на секціяхъ.

Правленіе конгресса проектировало семь секцій: 1) Психологія въ ея отношеніяхъ къ анатоміи и физиологіи, 2) наблюдательная психологія въ ея отношеніяхъ къ философіи, 3) экспериментальная психологія и психофизика, 4) патологическая психологія и психіатрія, 5) психологія гипнотизма и внушенія, 6) социальная и криминальная психологія, 7) сравнительная психологія; но въ виду болѣзни предсѣдателя первой секціи профессора гистологіи Дюваля, а также и для удобства занятій, пришлось соединить первую и седьмую, такъ что было всего шесть секцій.

Понятно, что я не могу говорить о всѣхъ докладахъ; это потребовало бы много мѣста и, главное, невозможно для одного лица, такъ какъ всѣ шесть секцій происходили одновременно. Поэтому я ограничусь тѣмъ, что познакомлю съ содержаніемъ тѣхъ докладовъ, прочитанныхъ въ общихъ собраніяхъ и съ сообщенными въ секціяхъ, съ которыми мнѣ удалось ознакомиться и которые, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, причемъ скажу и о тѣхъ работахъ, которыя хотя и не были прочтены, но ознакомиться съ которыми мнѣ удалось или по хорошо составленнымъ резюме, доставленнымъ авторами, или путемъ бесѣдъ съ авторами. Повторяю, къ сожалѣнію, не всѣ ученые, доставившіе резюме своихъ докладовъ, прочли эти послѣдніе; одни авторы почему-либо не пріѣхали, другіе хотя и присутствовали, но отказались отъ чтенія своихъ работъ. На каждое изъ общихъ собраній было назначено шесть сообщеній, но прочтено было лишь три-четыре. Прежде всего скажу о работахъ, посвященныхъ общей психологіи.

II.

Начну съ докладовъ философскихъ, имѣющихъ общее значеніе, причемъ еще разъ оговорюсь, что о нѣкоторыхъ, можетъ быть и весьма цѣнныхъ работахъ, не могу ничего сказать, потому что авторы изложили ихъ не вполне ясно какъ въ устныхъ сообщеніяхъ, такъ и въ представленныхъ рефератахъ. Прежде всего необходимо остановиться на докладѣ извѣстнаго американскаго философа П. Каруса «Единство и непрерывность (continuité) я».

Не слѣдуетъ далѣе создавать «психологію безъ души», но не-

обходимо создать психологію, которая дастъ новое объясненіе души. Душа есть не то, кто или что чувствуетъ, мыслить и дѣйствуетъ—но душа есть чувствованіе, мысль, дѣйствіе; мы можемъ кратко и просто опредѣлить душу такъ—«система символовъ, сопровождаемыхъ чувствованіями». *Представлять себя* (de representer), вотъ что характеризуетъ душевную дѣятельность человѣка; наши мысли суть чувствуемые образы вещей и отношенія вещей. Намъ необходимо допустить, что субъективность есть внутреннее и непремѣнное свойство самой природы.

Человѣкъ имѣетъ неопредѣленное, но постоянное чувство своего фізіологическаго единства; оно не обусловлено какою-либо объединяющею силою; память сознаніе всего нашего прошлаго—вотъ что даетъ силу этому чувству я. Въ самомъ дѣлѣ, матерія, изъ которой состоитъ личность, постоянно мѣняется и потому единство не можетъ быть обусловлено единствомъ матеріи, а слѣдовательно, непрерывность я создается памятью. Слѣдовательно, остается неизмѣннымъ въ человѣкѣ не матерія, изъ которой онъ состоитъ, а форма; сознаніе нашего я обусловлено не единствомъ субстанціи, а единствомъ структуры. Индивидуальность—это жизнь тѣла, ограниченная во времени, личность—это форма жизни, мысли, чувствованія. Индивидуумъ погибаетъ, но личность, какъ часть великаго цѣлаго—человѣчества, остается, продолжается; она въ своей формѣ остается какъ послѣ смерти, такъ и при всѣхъ измѣненіяхъ во время жизни. Наше безсмертіе такъ же реально, какъ наше единство при всѣхъ измѣненіяхъ въ теченіи жизни.

Я думаю, что даже въ этомъ сжатомъ, отрывочномъ изложеніи, оригинальныя мысли Каруса должны насъ заинтересовать.

Философскій характеръ имѣетъ сообщеніе профессора философіи Пражскаго университета Марти (Marty) «О сходствѣ».

Похожими, сходными называются предметы и явленія, и мало отличающіеся другъ отъ друга, и напоминающіе другъ друга. Нѣкоторые предметы и явленія и мало отличаются другъ отъ друга, и напоминаютъ другъ друга; въ большинствѣ случаевъ сходнымъ считается или то, что мало отличается, или то, что напоминаетъ. Болѣе важенъ для образованія сходства второй элементъ; предметы и явленія, весьма отличающіеся другъ отъ друга, признаются сходными, если они напоминаютъ другъ друга; при этомъ ихъ отличіе другъ отъ друга, какъ бы оно ни было велико, можетъ

не имѣть значенія. Отличіе предметовъ только тогда можетъ по-мѣшать быть имъ похожими, когда оно такъ велико, что они не напоминаютъ другъ друга. Наибольшее сходство бываетъ тогда, когда различіе такъ мало, что сходные предметы можно принять одинъ за другой. Вполнѣ точное, правильное употребленіе термина—сходный имѣется только въ геометріи, гдѣ признается похожимъ то, что напоминаетъ другъ о другѣ и мало отличается другъ отъ друга. Определеніе степени сходства, определеніе въ цѣломъ или въ частяхъ и въ какихъ именно частяхъ есть сходство отличеніе сходства отъ равенства,—все это требуетъ большихъ, знаній, сложнаго анализа и синтеза. Сходство имѣется и тамъ, гдѣ нѣкоторыя части сходныхъ предметовъ или явленій равны другъ другу; но сходство можетъ быть и тамъ, гдѣ нѣтъ равенства. Степени сходства безконечно различны и зависятъ какъ отъ самыхъ предметовъ, такъ и отъ нашихъ познаній; оттого этотъ терминъ употребляется весьма различно.

Философскій характеръ имѣетъ трудъ профессора Реннского университета Баша (Basch): «Универсальность эстетическаго сужденія».

Несмотря на измѣнчивость вкусовъ и художественныхъ идеаловъ, несомнѣнно нѣкоторыя художественныя произведенія нравятся всѣмъ и всегда. Какъ можно объяснить такое постоянство эстетическаго сужденія, вытекающаго ихъ чувствованія—элемента по преимуществу субъективнаго, неустойчиваго? Кантъ первый указалъ на эту антиномію вкуса; разрѣшима ли эта антиномія?

Всякое эстетическое сужденіе сводится къ слѣдующему: этотъ предметъ мнѣ нравится; удовольствіе, доставляемое мнѣ этимъ предметомъ, законно, и потому такое же удовольствіе этотъ предметъ долженъ вызывать и у другихъ. Это сужденіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно относится къ самымъ простымъ предметамъ—есть очень связный психическій актъ, состоящій изъ ряда фізіологическихъ, психологическихъ, логическихъ и этическихъ элементовъ. Эти элементы могутъ быть сгруппированы въ три категоріи. Первую категорію составляетъ пріятное ощущеніе органовъ чувствъ—непосредственные, чувственные элементы, которые въ концѣ концовъ сводятся къ сознанію наибольшаго возбужденія съ наименьшимъ утомленіемъ. Вторую категорію—формальные элементы—составляетъ интеллектуальное наслажденіе,

вызываемое единствомъ во множествѣ. Третью категорію—ассоціированные элементы—составляютъ чувствованія симпатіи, съ которыми мы относимся къ жизни и людямъ, изображеннымъ въ нравящемся намъ произведеніи искусства. Какіе же именно элементы обуславливаютъ то, что нѣкоторыя произведенія искусствъ—греческія статуи, готическіе храмы, трагедіи Шекспира—всегда и всѣмъ нравятся? Очевидно, элементы первыхъ двухъ категорій; органы зрѣнія и слуха у всѣхъ почти одинаковы; гармонія цвѣтовъ и звуковъ удовлетворяетъ потребности нашего организма. Законы нашего разума, требующаго единства во множествѣ, подчиненности части цѣлому, также универсальны. Ассоціированные элементы, составляющіе третью группу, напротивъ, непостоянны, художественные идеалы зависятъ отъ всего нашего міровоззрѣнія, отъ всей суммы нашихъ представленій; вотъ почему понятіе о прекрасномъ измѣнчиво. Очевидно, что тому, кто не симпатизируетъ жизни грековъ, не понимаетъ ея, не можетъ нравиться греческое искусство. Такимъ образомъ объясняется и универсальность эстетическихъ сужденій и измѣнчивость художественныхъ вкусовъ и идеаловъ.

Считаю необходимымъ передать содержаніе доклада Бергсона «Сознаніе умственнаго усилія», въ виду авторитетности автора среди молодыхъ французскихъ ученыхъ.

Всякая умственная работа состоитъ въ томъ, что мы подыскиваемъ содержаніе для имѣющейся у насъ схемы. Изобрѣтатель, желающій изобрѣсть новую машину, схематично опредѣляетъ себѣ цѣль, къ которой онъ стремится—напр., онъ задумалъ создать летающую съ помощью крыльевъ машину; затѣмъ онъ подбираетъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи знаній тѣ образы или представленія, то есть детали машины, которыя должны задуманную схематическую машину замѣнить настоящей, со всѣми тѣми деталями и приспособленіями, которыя необходимы для выполненія задуманной цѣли. Умственное усиліе или умственная работа именно и состоитъ въ борьбѣ представленій, имѣющихъ превратить схему въ настоящій полный образъ; одни представленія оказываются ненужными для наполненія схемы, другія необходимы, въ зависимости отъ того, какія представленія побуждаютъ необходимыя или лишнія, умственное усиліе заканчивается созданіемъ образа, соответствующаго схемѣ и потому насъ удовлетворяющаго, или несоответствующаго и потому не-

удовлетворяющаго. Эта борьба представленій, наполняющихъ схему, или говоря иначе, вполне своеобразное *движеніе* представленій, даетъ намъ впечатлѣніе *sui generis*, которое и составляетъ сознание умственнаго усилія или напряженія. Слѣдовательно, сознание умственнаго усилія создается борьбой представленій, наполняющихъ схему, превращающихъ ее въ полный, со всѣми необходимыми деталями образъ. Авторъ не объяснилъ, что собственно въ его докладѣ составляетъ новое, литературную собственность автора, не объяснилъ и цѣли своего сообщенія.

Докладъ профессора Тиссеранда (Tisserand) «О гербатаріанскихъ и фізіологическихъ теоріяхъ наслажденія» состоялъ въ слѣдующемъ: Гербатаріанцы (Нагловскій) дѣлятъ наслажденія на физическія и психическія; первыя, по ихъ ученію, зависятъ отъ фізіологическихъ причинъ, вторыя—отъ психологическихъ. Леманъ доказалъ неосновательность такого дѣленія чувствованій, доказалъ, что всѣ наслажденія обусловлены исключительно фізіологическими причинами. Большинство ученыхъ, Дюмонъ, Бэнь, Спенсеръ, Леманъ, признаютъ, что наслажденіе сопряжено съ увеличеніемъ энергіи, страданіе—съ ея уменьшеніемъ. Рибо думаетъ, что наслажденіе зависитъ не только отъ количества расходуемой энергіи, но и отъ ея качества. Главная ошибка гербатаріанцевъ, также какъ и картезіанцевъ, состояла въ томъ, что они совершенно отдѣляли душу отъ тѣла; въ дѣйствительности же въ каждомъ психическомъ актѣ имѣется и матеріальный, и формальный элементы. Наслажденіе не входитъ ни въ область механической необходимости, ни въ области мышленія; оно не отдѣлимо отъ жизни и стремленія. Стремленіе тождественно съ бытіемъ; о немъ мы имѣемъ знаніе непосредственное, болѣе убѣдительное, чѣмъ знанія, получаемыя нами съ помощью органовъ чувствъ. Стремленіе не разлагается на движеніе, какъ то ошибочно полагаютъ фізіологи; но стремленіе не отдѣлимо отъ движенія органовъ; это движеніе имѣетъ извѣстное направленіе, извѣстную интенсивность; оно есть проявленіе первичной, самостоятельной способности дѣйствовать. Слѣдовательно, въ наслажденіи надо различать два элемента: одинъ матеріальный—фізіологическія условія или причины наслажденія; другой формальный—стремленіе; его истинная натура была объяснена выше.

Я почелъ полезнымъ передать содержаніе этого доклада, чтобы еще разъ выяснитъ, какъ неуубѣдительны и неясны могутъ быть

попытки измѣнить вполнѣ доказанную, вполнѣ ясную теорію наслажденія: наслажденіе—это жизнь; страданіе—это смерть. Всякая новая попытка изыскать вполнѣ вѣрное ученіе о природѣ чувствованій окончится столь же плачевно, какъ и попытка Тиссеранда.

Наконецъ, изложу содержаніе доклада доктора медицины, при-
вать—доцента психологіи Женевского университета Клапареда «Опредѣленіе перцепціи (perception)».

Этотъ терминъ употребляется въ различныхъ смыслахъ, и каждый авторъ пользуется имъ по-своему въ зависимости отъ своихъ метафизическихъ воззрѣній. Очевидно, какъ важно установить всѣми одинаково понимаемое употребленіе этого столь важнаго термина. Англичане и французы нѣсколько иначе, чѣмъ нѣмцы, подраздѣляютъ или группируютъ психическіе процессы. Первые отдѣляютъ воспріятіе, т.-е. перцепцію существующаго (реальнаго), отъ образовъ воспоминанія, т.-е. представленія. Нѣмецкіе психологи группируютъ психическія явленія по степени ихъ сложности; первые употребляютъ терминъ перцепціи для обозначенія воспріятія дѣйствительности, вторые—для обозначенія сложнаго воспріятія. Перцепція въ сущности есть сумма ощущеній органовъ чувствъ, составляющая единое психическое цѣлое. Это единое психическое цѣлое, какъ отдѣльное отъ я, не составляетъ части я. Каждое чувственное впечатлѣніе является исходнымъ пунктомъ цѣлаго рода образовъ и чувствованій, составляющихъ весьма сложную цѣпь психическихъ явленій, которыхъ, конечно, нельзя обозначать терминомъ перцепція. Этимъ терминомъ слѣдуетъ называть только сумму ощущеній, дающихъ намъ познаніе объ отдѣльномъ предметѣ въ пространствѣ; слѣдовательно, напр., въ перцепціи соединяются зрительныя ощущенія съ ощущеніями мышечными и осязательными.

Такимъ образомъ устанавливается ясное отличіе перцепціи отъ ощущенія, что такъ важно особенно теперь, когда психологія разрабатывается наблюденіями надъ больными, фізіологическими изслѣдованіями. Вообще, необходимо употреблять ощущение (sensation) и перцепція (воспріятіе) въ строго опредѣленномъ смыслѣ. Отъ произвольнаго употребленія этого термина, какъ и вообще терминовъ, въ психологіи происходитъ не мало недоразумѣній, почему крайне желательно выработать всѣми принятую терминологію.

О моемъ докладѣ—«Боль», прочтенномъ на четвертомъ общемъ собраніи, говорить не буду, такъ какъ онъ извѣстенъ читателямъ «Вопросовъ Философіи».

III.

Такъ какъ у насъ есть еще лица, полагающія, что психофізика и экспериментальная психологія неразрывно связаны съ материализмомъ, и потому относящіяся къ нимъ недовѣрчиво, будетъ нелишнее передать содержаніе доклада профессора католическаго института въ Парижѣ Пейллоба—«Перипатетизмъ и экспериментальная психологія».

Симпатіи перипатетиковъ къ экспериментальной психологіи—несомнѣнный фактъ; они относятся съ полнымъ довѣріемъ къ этому научному движенію. Защитники экспериментальной психологіи въ свою очередь наиболѣе примыкаютъ къ ученію Аристотеля; съ этимъ ученіемъ гармонируютъ ихъ стремленія и выводы. Эта взаимность симпатій обусловлена тѣмъ, что тѣ и другіе пользуются *объективнымъ* методомъ; и тѣ и другіе изучаютъ психическія явленія по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. Хотя они и пользуются методомъ самонаблюденія, но предпочитаютъ объективный методъ, какъ болѣе точный. Напримѣръ, при анализѣ ощущений, представленій и чувствованій, экспериментальная психологія стремится прежде всего найти фізіологическія условія этихъ душевныхъ состояній; она признаетъ, что эти условія не суть что-либо внѣшнее, постороннее сознанію, а напротивъ, считаетъ ихъ существенными, внутренними. Также и методъ Аристотеля есть методъ объективный; перипатетики всегда стремились опредѣлить вліяніе тѣла на душевную жизнь; для нихъ органъ не есть что-то постороннее, отдѣльное отъ его функціи; это только двѣ стороны одной и той же сущности. Для перипатетиковъ психологія—наука о жизни, и потому они прежде всего стремятся опредѣлить: что такое жизнь? Для нихъ также несостоятельны ученія, признающія а ріогі сознаніе, какъ и ученіе, считающее сознаніе эпифеноменомъ. Необходимо сперва опредѣлить, что такое жизнь, и затѣмъ уже можно будетъ приступить къ объясненію сознанія; еще О. Контъ училъ, что отъ простаго нужно переходить къ сложному.

Насколько экспериментальная психологія не имѣетъ общаго съ материализмомъ, можно судить по тому, что директоромъ

лабораторіи экспериментальной психологіи университета въ Лувенѣ состоитъ аббатъ Тъери (Thiery), прочитавшій на пятомъ общемъ собраніи свой докладъ «Тонъ рѣчи».

Почтенный ученый задался цѣлью опредѣлить тонъ человѣческой рѣчи; хотя несомнѣнно, что наша рѣчь состоитъ изъ звуковъ съ опредѣленною и постоянной высотой, до сихъ поръ не было возможности съ достаточной точностью опредѣлить звуки нашей рѣчи. Объектами изслѣдованія могутъ быть только лица, привыкшія говорить, умѣющія измѣнять тонъ своей рѣчи, умѣющія повторять одинъ звукъ нѣсколько разъ. Для опредѣленія звуковъ рѣчи авторъ пользовался лиоретграфами и фонографами; одинъ и тотъ же звукъ, одинъ и тотъ же слогъ, одно и то же слово повторялись нѣсколько разъ. Даже пользуясь этимъ методомъ изслѣдованія, крайне трудно, почти невозможно опредѣлить всѣ тѣ безконечно разнообразныя звуки, изъ которыхъ состоитъ наша рѣчь; возможно лишь изучить тѣ звуки, которые чаще другихъ повторяются, чаще употребляются опытными ораторами.

Авторъ не сообщилъ о полученныхъ имъ результатахъ.

Въ виду недостатка времени профессоръ Кюльпе сообщилъ намъ только часть своей работы «Объ отношеніи едва замѣтныхъ къ болѣе чѣмъ едва замѣтнымъ разницамъ».

Чтобы измѣрить интенсивность психическихъ процессовъ, необходимо имѣть абсолютную единицу, мѣру; такой единицей въ психофизикѣ считалась едва замѣтная разница. Признавалось, что всѣ едва замѣтныя разницы даннаго рода ощущеній равны между собою, почему и возможно ихъ соизмѣрять. Противъ такого воззрѣнія было представлено много возраженій; но до настоящаго времени не было опытомъ провѣрено, насколько вѣрно ученіе о равенствѣ между собою едва замѣтныхъ разницъ. По мнѣнію автора, провѣрить это ученіе можно слѣдующимъ опытомъ. Если мы возьмемъ нѣсколько, — на примѣръ, двадцать бумажекъ, окрашенныхъ китайской тушью, такъ что каждая слѣдующая бумажка отличается едва замѣтной разницей отъ предыдущей, то очевидно, что при равенствѣ едва замѣтныхъ разницъ, изслѣдуемый вѣрно опредѣлитъ соотвѣтствующее мѣсто одной изъ бумажекъ, расположенныхъ въ серединѣ (напр. 9, 10, 11-ой). Оказывается, однако, что изслѣдуемому *всегда* кажется, что эту бумажку слѣдуетъ помѣстить ближе къ верхнему концу, напр. онъ ее счи-

таетъ 15-ой, 16-ой и т. п., но никогда 5-ой, 6-ой и т. п. Очевидно, что едва замѣтныя разницы между бумажками, слабо окрашенными, меньше, чѣмъ между бумажками окрашенными интенсивно; слѣдовательно, мы не имѣемъ права признавать едва замѣтныя разницы равными, принимать ихъ за абсолютную единицу при измѣреніи интенсивности психическихъ процессовъ. Такимъ образомъ гипотеза Фехнера оказалась несостоятельной; но она просуществовала сорокъ лѣтъ, что указываетъ геніальность ея автора.

Профессоръ Реннского университета Бурдонъ прочелъ докладъ «Грамматическій типъ словесныхъ ассоціацій».

Бурдонъ просилъ изслѣдуемыхъ по возможности скорѣе сочетать первое попавшее на умъ слово и имѣющее соотношеніе съ произносимымъ авторомъ; полученные такимъ образомъ сочетанія можно раздѣлить на двѣ группы; сочетанія по созвучію: odorat—gat и т. п.; сочетанія по значенію или смыслу: дождь—снѣгъ. Кромѣ этихъ двухъ группъ имѣется еще третья, это—грамматическія сочетанія; въ нихъ имѣется нѣкоторое, хотя и неясное значеніе, нѣкоторый смыслъ; но основой сочетанія служатъ грамматическія формы; существительное сочетается съ существительнымъ: собака—скала, глаголь съ глаголомъ: писать—плавать. Чисто грамматическія сочетанія рѣдки; но они безспорно существуютъ; подлежащее сочетается съ сказуемымъ: старость—сѣрая; существительное съ существительнымъ; глаголь съ глаголомъ; глаголь съ нарѣчіемъ (напр. бѣжать—скоро). Чисто-грамматическое происхожденіе этихъ сочетаній доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что часты сочетанія въ духѣ французскаго языка, напр. лошадь—черная, и весьма рѣдки противныя духу французскаго языка: черная—лошадь. Эти грамматическія сочетанія у однихъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у другихъ, но они наблюдаются у всѣхъ, хотя и не одинаково часто.

Изучая время сочетанія, я убѣдился, что кромѣ принятыхъ въ наукѣ формъ ассоціаціи, имѣются другія намъ неизвѣстныя; встрѣчаются сочетанія, которыя только съ большой натяжкой можно подвести подъ одну изъ принятыхъ формъ; я думаю, что эти сочетанія образовались заучиваніемъ, частымъ повтореніемъ; напр. старость—сѣдая; тише—ѣдешь; танцовать—до упаду; сообщеніе Бурдона даетъ новое объясненіе, которое я проверю новымъ изученіемъ собраннаго мною матеріала.

Весьма содержателенъ докладъ приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета А. Нечаева, «Къ вопросу о развитіи памяти у дѣтей».

Авторъ изучалъ развитіе памяти у 494 мальчиковъ и 193 дѣвочекъ, учившихся въ шести городскихъ школахъ. Чтобы многосторонне опредѣлить развитіе памяти, опыты состояли въ слѣдующемъ. Нужно было запоминать: 1) 12 различныхъ предметовъ, которые молча показывались изслѣдуемому, 2) 12 неартикулированныхъ звуковъ (звонъ стакана, ударъ по дереву и т. п.), 3) прочитывалось вслухъ передъ изслѣдуемымъ 12 цифръ, 4) 12 трехсложныхъ словъ, 5) прочитывалось 12 трехсложныхъ словъ, вызывающихъ звуковой образъ, 6) прочитывалось 12 трехсложныхъ словъ, которые обозначали осязательныя, температурныя и мышечныя ощущенія, 7) произносилось 12 словъ, обозначающихъ чувствованія и настроенія 8) прочитывалось 12 словъ, обозначающихъ абстрактныя понятія.

Эти опыты, производившіеся осенью 1899 г., привели автора къ слѣдующимъ результатамъ: Память развивается съ возрастомъ; въ періодъ половой зрѣлости развитіе памяти нѣсколько задерживается. Значеніе словъ имѣетъ большое вліяніе на ихъ запоминаніе. Память абстрактныхъ понятій и чиселъ развивается параллельно. Развитіе разныхъ видовъ памяти происходитъ не одинаково, сильнѣе всего память предметовъ и словъ, обозначающихъ чувствованія. Мальчики обладаютъ лучшей памятью предметовъ и звуковъ, а дѣвочки лучшей памятью для чиселъ и словъ. Болѣе всего отличаются памятью мальчики отъ дѣвочекъ въ возрастѣ между одиннадцатью и четырнадцатью. Съ накопленіемъ представленій замѣчается большая разница въ запоминаніи словъ, въ зависимости отъ ихъ смысла; мальчики 9—11 лѣтъ очень дурно запоминаютъ слова, обозначающія чувствованія; они лучше запоминаютъ числа. Въ періодѣ половой зрѣлости память словъ, обозначающихъ чувствованія, развивается очень быстро и равняется у мальчиковъ памяти чиселъ, а у дѣвушекъ даже превосходитъ ее. Въмѣстѣ съ памятью словъ, обозначающихъ чувствованія, быстро развивается память осязательныхъ и мышечныхъ ощущеній. У дѣтей память для чиселъ почти равна памяти звуковъ; дѣвочки отъ 10 до 11 лѣтъ запоминаютъ числа даже лучше чѣмъ звуки. Постепенно память звуковъ усиливается и на 17 году даже превосходитъ память чиселъ.

Параллельно съ изслѣдованіемъ развитія памяти, авторъ опредѣлилъ емкость легкихъ спорометромъ и силу рукъ динамометромъ, при чемъ оказалось, что наиболѣе здоровые и сильные дѣти надѣлены и лучшею памятью.

Сравнивая таблицы, обозначающія числа удержанныхъ въ памяти задачъ, мы находимъ, что вообще у дѣвочекъ память лучше, чѣмъ у мальчиковъ; только у пятнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ память нѣсколько хуже, чѣмъ у мальчиковъ того же возраста.

Профессоръ П. Соколовъ сообщилъ три весьма цѣнныхъ наблюденія въ своемъ докладѣ «Цвѣтная индивидуализація», прочтенномъ на послѣднемъ общемъ собраніи. Авторъ наблюдалъ даму 30 лѣтъ г-жу С., которая представляла себѣ людей окрашенными въ разные цвѣта въ зависимости отъ ихъ качествъ; умные, талантливые, честные люди ей представлялись темносиними; чѣмъ дальше лицо отъ этого идеала, тѣмъ свѣтлѣе былъ его синій цвѣтъ. Ограниченные мужчины и большинство женщинъ для нея желты. Для того чтобы выбрать цвѣтъ данному лицу, она должна его узнать ближе; но разъ цвѣтъ чловѣка для нея опредѣлится, онъ остается неизмѣннымъ навсегда, и она всегда представляетъ себѣ этотъ цвѣтъ, когда думаетъ объ этомъ лицѣ. Г-жа С. локализируетъ свои цвѣтовые образы внѣ себя; они ей кажутся цвѣтными облаками, которыя двигаются на разстояніи одного метра отъ ея лица и имѣютъ форму Африки. Авторъ знакомъ съ г-жею С. уже пять лѣтъ и за это время никакихъ перемѣнъ въ ея состояніи не замѣтилъ.

Г-жа К. сорока пяти лѣтъ окрашиваетъ хорошихъ, честныхъ людей въ лиловый цвѣтъ; она себя также представляетъ лиловой; умные, честные, твердые люди ей представляются синими; злые, мстительные—зелеными съ металлическимъ отливомъ. Эти основные цвѣта имѣютъ различныя оттѣнки въ зависимости отъ качествъ лицъ. Г-жа К.—хорошая музыкантша—и нѣкоторыя музыкальныя пьесы у ней ассоціируются съ опредѣленными цвѣтами, такъ же какъ и нѣкоторыя абстрактныя идеи, напр. сила окрашена для нея въ красный цвѣтъ, законъ въ синій и т. п.

Г-жа I., старшая сестра г-жи С., ассоціируетъ опредѣленные цвѣта съ поэтическими произведеніями. Такъ поэзія Пушкина ей представлялась розовой, Гейне—ярко-красной, романы Толстого—желто-оранжевыми, повѣсти Тургенева—свѣтло-голубыми

и т. п. Она увѣряетъ, что цвѣтъ для нея символизируетъ сама произведенія, ихъ мысли и чувствованія.

Авторъ объясняетъ эту удивительную и малопонятную аномалию слѣдующимъ образомъ: представленіе или видѣніе цвѣтами не только абстрактныхъ идей и людей, но звуковъ и буквъ, есть *символическая апперцепція*; эти лица въ конкретной и живой формѣ цвѣтовъ представляютъ себѣ людей, абстрактныя идеи и тѣмъ легче ихъ запечатлѣваютъ въ своемъ сознаниі; цвѣта для этихъ лицъ—это метафоры. Авторъ думаетъ, что механизмъ сочетанія цвѣтовъ съ абстрактными идеями и буквами одинъ и тотъ же; дѣло въ томъ, что цвѣта сочетаются съ буквами, звуками и именами не въ силу звуковыхъ и зрительныхъ элементовъ этихъ послѣднихъ, но въ силу абстрактныхъ и эмоціонныхъ ихъ особенностей. Цвѣта сочетаются сложными, многочисленными ассоціациями съ буквами и лицами и затѣмъ являются символами, метафорами этихъ послѣднихъ, что конечно облегчаетъ ихъ сохраненіе. Такимъ образомъ, эта аномалия является даже полезной для индивидуума, чѣмъ конечно и объясняется ея существованіе.

Позволю себѣ замѣтить, что авторъ, по моему мнѣнію, упустилъ изъ виду значеніе внушенія въ образованіи сочетаній цвѣтовъ съ звуками, лицами и идеями.

Не лишень интереса докладъ Вашида (Vaschide) «Опытныя изслѣдованія творческаго воображенія у ребенка». Авторъ ежедневно наблюдалъ мальчика, одареннаго необычайной фантазіей; наблюденіе началось, когда мальчику было шесть мѣсяцевъ и продолжалось три съ половиною года. Кромѣ того, авторъ изучалъ развитіе воображенія у дѣтей въ пріютѣ въ Villejuif'ѣ; онъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Творческое воображеніе не зависитъ отъ памяти; у ребенка съ дурною памятью можетъ быть богатое воображеніе. Воображеніе находится въ ближайшей зависимости отъ ассоціаціи и отъ самопроизвольной ассоціаціи, не управляемой извѣстными намъ законами сочетанія представленія (значить—отъ апперцепціи; но Вашидъ не употребляетъ этого термина). Такимъ образомъ, въ творческомъ воображеніи нужно различать два элемента—ассоціацію и произволь или случай. Творческое воображеніе не ограничивается воспріятымъ. Ребенокъ не отличаетъ существующаго отъ того, что должно существовать, и вѣрить въ созданія

своей фантазіи. Авторъ пришелъ къ убѣжденію, что творческая фантазія существуетъ при крайней бѣдности психической жизни. Она проявленіе наслѣдственной, врожденной склонности головного мозга къ самопроизвольной, самостоятельной, бессознательной и безслѣдной дѣятельности. Эта дѣятельность доставляетъ удовольствіе ребенку; она ему пріятна; повидимому ребенокъ имѣетъ врожденную потребность фантазировать и понятно, что удовлетвореніе потребности доставляетъ ему удовольствіе. Можно различать двѣ формы творческаго воображенія: первая — дрожательное воображеніе; это самая обычная форма; при этой формѣ главнымъ образомъ работаетъ ассоціація. Вторая форма — это произвольное творчество; такая творческая фантазія заслуживаетъ названія оригинальной; эта форма наблюдается рѣдко. При ней именно проявляется самопроизвольная дѣятельность души; эта дѣятельность сочетается между собою представленія, не подчиняясь законамъ ассоціаціи.

Весьма интересны два доклада г-жи Іотейко (Ioteiko) «Утомленіе въ центральныхъ и периферическихъ органахъ», «Утомленіе какъ самозащита организма», въ виду громаднаго практическаго значенія изучаемаго ею вопроса.

Г-жа Іотейко работала съ эргографомъ; она изслѣдовала утомленіе указательнаго пальца правой руки у нѣсколькихъ студентовъ брюссельскаго университета. Для того чтобы выяснить, насколько уменьшеніе силы вслѣдствіе утомленія зависитъ отъ истощенія центровъ головного мозга и насколько отъ истощенія окончаній двигательныхъ нервовъ, испытываемые, утомивъ правую руку на эргографѣ, опредѣляли силу лѣвой руки динамометромъ. При сравненіи цифръ, полученныхъ до опыта и послѣ опыта, оказалось, что сила лѣвой руки вслѣдствіе утомленія правой, уменьшается на 20%, сила правой руки падаетъ нѣсколько болѣе. Очевидно, что ослабленіе лѣвой руки зависитъ отъ истощенія или утомленія головного мозга; эти опыты указываютъ намъ степень участія головного мозга въ уменьшеніи работы вслѣдствіе утомленія. Насколько утомленіе индивидуально, насколько утомленіе намъ мало извѣстно, можно судить по тому, что при изслѣдованіи тѣмъ же самымъ способомъ оказалось, что у одной барышни сила лѣвой руки послѣ утомленія правой возросла на 25%, а у другой — на 1%. Опыты убѣдили автора, что есть лица, у которыхъ умѣренное утомленіе

увеличиваетъ силу; это непонятное намъ увеличеніе силы исчезаетъ послѣ достаточнаго отдыха.

Работа указательнаго пальца на эргографѣ выражается кривою; эти кривыя вполнѣ индивидуальны, и одна кривая даннаго лица вполнѣ похожа на другую и вполнѣ отличается отъ кривыхъ, полученныхъ при изслѣдованіи другихъ лицъ. Сравнивая кривыя всѣхъ изслѣдованныхъ лицъ, оказывается, что по отношенію къ утомленію ихъ можно раздѣлить на три группы: первую составляютъ лица, не поддающіяся утомленію,—утомленіе даже вызываетъ у нихъ возбужденіе; вторую группу составляютъ лица, у которыхъ только небольшое утомленіе вызываетъ возбужденіе, дальнѣйшая работа оканчивается утомленіемъ; наконецъ, третьи устаютъ быстро,—у нихъ не бываетъ возбужденія вслѣдствіе утомленія.

Утомленіе работающаго пальца выражается уменьшеніемъ высоты, на которую поднимается тяжесть, и уменьшеніемъ числа поднятій: палецъ не можетъ уже такъ часто поднимать тяжесть, не можетъ поднимать ее такъ высоко, какъ раньше. Уменьшеніе числа поднятій зависитъ отъ истощенія центра, уменьшеніе высоты—отъ истощенія мускула. Изучая кривыя всѣхъ изслѣдованныхъ, авторъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что при утомленіи быстрѣе уменьшается высота поднятій, чѣмъ ихъ число,—слѣдовательно, двигательные центры головного мозга истощаются медленнѣе, чѣмъ нервныя окончанія и мускулы, или говоря иначе, истощеніе интенсивнѣе въ периферическихъ органахъ, чѣмъ въ центрѣ. Однако и въ этомъ отношеніи люди весьма значительно отличаются другъ отъ друга,—и коэффициентъ истощенія, т. е. отношеніе высоты къ числу поднятій $\left(\frac{H}{N}\right)$ величина вполнѣ индивидуальная: у каждаго свой коэффициентъ истощенія.

Утомленіе прежде всего обусловливаетъ пониженіе возбудимости окончаній двигательныхъ нервовъ: нужны болѣе сильныя раздраженія, чтобы вызвать то ихъ возбужденіе, которое необходимо для продолженія работы. Слѣдующая степень утомленія выражается въ чувствованіи утомленія; это уже реакція головного мозга на вредное для организма раздраженіе. Слѣдовательно, организмъ противъ вредныхъ, истощающихъ или утомляющихъ его раздраженій прежде всего защищается ослабленіемъ

возбудимости окончаній двигательныхъ нервовъ; когда вредное раздраженіе продолжается, организмъ защищается отъ него уже психически—чувствованіемъ утомленія. Небольшимъ сопротивленіемъ этимъ раздраженіямъ, т.-е. наименьшею утомляемостью, обладаютъ рефлекторные центры. Такимъ образомъ, организмъ обладаетъ весьма цѣлесообразными средствами защиты противъ вредныхъ воздѣйствій.

Почтенный авторъ находитъ, что вопросъ объ утомленіи вообще очень мало разработанъ и необходимы новыя, научно обставленные изслѣдованія объ утомленіи для того, чтобы можно было воспользоваться знаніями для практическихъ цѣлей.

IV.

Едва ли правленіе конгресса поступило вполне рационально, допустивъ доклады спиритовъ; нельзя, конечно, отрицать того, что спиритическія явленія подлежатъ изученію (а, по-моему убѣжденію, заслуживаютъ тщательнаго изученія и сами спириты), и потому, конечно, изученіе спиритическихъ явленій могло входить въ программу конгресса. Но въ настоящее время ученые и спириты такъ различно не только понимаютъ спиритическія явленія, но и такъ различно къ нимъ относятся, что столкнуться рѣшительно не могутъ, и потому ученые напрасно тратили время, выслушивая рассказы убѣжденныхъ спиритовъ; а спириты, навѣрное, остались недовольны нежеланіемъ ученыхъ серьезно отнестись къ ихъ рассказамъ. Едва ли нужно говорить, что конгрессъ—не мѣсто для провѣрки тѣхъ чудесъ, которыя наблюдали спириты.

Необходимо замѣтить, что именно сообщенія спиритовъ привлекали не мало публики, особенно дамъ, и самое многочисленное общее собраніе было третье, посвященное сомнамбулизму. Больше всего публики я видалъ на засѣданіяхъ пятой секціи; особенно много было дамъ. Еще на лондонскомъ международномъ конгрессѣ экспериментальной психологіи я обратилъ вниманіе на то, что между дамами, интересующимися спиритизмомъ, сомнамбулизмомъ и т. п., много истеричекъ и вырождающихся, по крайней мѣрѣ, по наружному виду *).

*) Второй международный конгрессъ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ. Вопросы философіи. 1892 г.

я видалъ и теперь: едва ли гдѣ-либо, кромѣ больницъ, можно видѣть такъ много субъектовъ съ признаками вырожденія, какъ между лицами, интересующимися спиритизмомъ. Между этими лицами едва ли многія объективно, научно относятся къ предмету; нигдѣ въ ученыхъ собраніяхъ я не видалъ столько накрашенныхъ и расфранченныхъ дамъ, какъ между интересующимися спиритизмомъ. Сомнѣваюсь, чтобы эти подкрашенные дамы могли заниматься научно: спиритизмъ удовлетворяетъ ихъ патологической потребности въ чудесномъ, волшебномъ. Конечно, между лицами, интересующимися спиритизмомъ, были субъекты безъ замѣтныхъ признаковъ вырожденія, и я думаю, что и между спиритами есть люди вполне здоровые; но они по своимъ потребностямъ, настроенію, складу мыслей такъ отличаются отъ насъ, что мы не можемъ понимать другъ друга.

Въ этомъ отношеніи допущеніе спиритовъ въ члены конгресса было полезно: оно убѣдило многихъ въ невозможности взаимнаго пониманія, дало возможность поближе присмотрѣться къ тому крупному общественному явленію, которое такъ мало намъ понятно.

Несомнѣнно, что между вполне образованными людьми есть лица, желающія вѣрить и вѣрующія въ самыя невозможныя чудеса, и было бы бесполезнымъ трудомъ пытаться поколебать ихъ вѣру.

Непримиримое разномысліе между психологами и членами конгресса, интересующимися спиритизмомъ, обнаружилось съ перваго шага, а именно, послѣ прочтеннаго вмѣсто г. Юрьевича г. Охоровичемъ доклада «Психической институтъ».

Кружокъ лицъ, интересующихся психологіей, основалъ *психической институтъ*. Международный организаціонный совѣтъ этого института состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Шренкъ-Нотцингъ (Германія), Майерсъ (Англія), Джемсъ (Америка), д'Арсонваль, Бушаръ, Дюкло, Марей, Сюлли-Прюдомъ, Рибо (Франція), Ломброзо (Италія), Менделѣвъ, Охоровичъ (Россія), Флюрнуа (Швейцарія). Временный исполнительный комитетъ состоитъ изъ трехъ лицъ: Пьеръ Жанэ, Мюррай, Рише. Секретарь общества — состоящій при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ камеръ-юнкеръ С. Юрьевичъ. Временное помѣщеніе института — въ Парижѣ, Университетская улица, № 19. Членами попечительнаго совѣта (Comité de Patronage) института состоятъ наши соотечественники: графъ Апраксинъ, Александръ Аксаковъ, Анто-

кольскій, dr. Мендельсонъ, Мечниковъ, Менделѣвъ, графъ Муравьевъ-Амурскій, dr. Охоровичъ, князь Урусовъ, Петрово-Соловово, Рафаловичъ, Рачковскій, Тархановъ, князь Вяземскій.

Психическій институтъ содержится и управляется Международнымъ Обществомъ Психическаго Института.

Институтъ имѣетъ слѣдующія цѣли: 1) собирать въ библіотеку и музеѣ всѣ книги, брошюры по психологіи и аппараты, служащія для психологическихъ изслѣдованій, 2) выдавать лицамъ, работающимъ по психологіи, нужные для ихъ изслѣдованій книги и приборы, 3) помогать средствами какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и лабораторіямъ, разрабатывающимъ психологію, 4) вызывать (provoquer) изслѣдованія и работы о тѣхъ явленіяхъ, которыя обратятъ на себя вниманіе института, 5) по возможности организовать лабораторію и клинику, въ которыхъ нѣкоторые члены будутъ производить изслѣдованія.

Относительно программы занятій института Рише въ засѣданіи подготовительнаго комитета 30 іюня 1900 г. высказался такъ: «Мы должны быть и смѣлы и осторожны, а потому должны держаться одинаково далеко какъ отъ слѣпой довѣрчивости, такъ и отъ еще болѣе слѣпотоу недовѣрія, отказывающагося изслѣдовать факты только потому, что они представляются въ непривычномъ видѣ... Часто факты имѣютъ видъ неожиданный. Нужно ихъ изслѣдовать съ полною точностью, но не слѣдуетъ ихъ отрицать». По мнѣнію Дюкло, говорившаго вслѣдъ за Рише, институтъ будетъ преслѣдовать двѣ цѣли: «поддерживать всѣ изслѣдованія, имѣющія исходнымъ пунктомъ уже извѣстные факты, и такимъ образомъ постепенно и методически расширять поле нашихъ знаній; съ другой стороны, облегчать изученіе тѣхъ неожиданныхъ фактовъ, о которыхъ только что говорили, ихъ собирать и ихъ публиковать съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы контроль, которымъ будутъ окружены эти изслѣдованія, былъ вполнѣ наученъ и точенъ. Само собою разумѣется, что институтъ не имѣетъ своею задачею контролировать эти изслѣдованія: онъ можетъ только требовать, чтобы изслѣдователи излагали самымъ точнымъ образомъ подробности не только самыхъ явленій, но и всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ вліять на результаты».

Эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ 1-го. № бюллетеня психическаго института, и рѣчь г. Охоровича, стремившагося убѣдить

собрание въ полезности психического института и указывавшаго на важность изученія психическихъ явленій, не вполне разъяснили цѣль и программу психического института. Не смотря на крайнюю симпатичность института, ставящаго своею цѣлью способствовать всѣми средствами психологическимъ изслѣдованіямъ, многое оставалось неяснымъ и даже загадочнымъ. А. А. Токарскій выразилъ удивленіе, почему институтъ называется *психическимъ*, а не психологическимъ, и просилъ разъяснить, почему именно было избрано такое странное названіе, почему не желали воспользоваться вполне понятнымъ, принятымъ въ наукѣ эпитетомъ—*психологическій*. Очевидно, что институтъ, имѣющій своей цѣлью научное изученіе душевной жизни, долженъ называться психологическій. Нежеланіе воспользоваться принятымъ въ наукѣ выраженіемъ, употребленіе эпитета неяснаго, дающаго право дѣлать предположеніе, что въ институтѣ будутъ производиться ненаучныя изслѣдованія, должно быть объяснено. На этотъ категорическій вопросъ А. А. Токарскаго со стороны учредителей отвѣта не послѣдовало, и потому не только многіе не пожелали сдѣлаться членами общества психического института, но даже нѣкоторые члены этого общества нашли нужнымъ сложить съ себя званіе до тѣхъ поръ, пока задачи и дѣятельность института не выяснятся окончательно.

Пожелавъ искренно обществу плодотворной *научной* дѣятельности, я однако весьма сомнѣваюсь въ его будущности какъ чисто научнаго учрежденія; я боюсь, что институтомъ завладѣютъ лица, интересующіяся чудеснымъ, вѣрующіе спириты; въ такомъ случаѣ матеріальное процвѣтаніе института несомнѣнно.

Флорнуа сдѣлалъ сообщеніе «Психологическія наблюденія надъ спиритизмомъ». Авторъ находитъ нужнымъ изучать психологію медиумовъ; психологъ долженъ разъяснить себѣ цѣлый рядъ явленій, такъ сильно интересующихъ общество, а для этого прежде всего нужно изучать медиумовъ. Онъ изучалъ въ Женевѣ г-жу С. Эта интеллигентная особа заявляла автору, что она находится въ сношеніяхъ съ духами, населяющими Марсъ, Юпитеръ и т. п.; ей даже извѣстенъ языкъ и азбука обитателей этихъ планетъ. Флорнуа показалъ азбуку обитателей планетъ, составленную г-жей С.: это какія-то каракули, напоминающія фигуры, рисуемыя дѣтьми, когда они пробуютъ нарисовать что-либо, руководясь собственной фантазіей. Авторъ дѣлаетъ слѣдующіе вы-

воды: г-жа С. въ состояніи медиумизма проявляетъ злостность и наивность, несвойственныя ей вообще. Какъ образованная, умная особа, она не можетъ въ нормальномъ состояніи говорить, что обитатели планетъ пишутъ каракулями, какими у насъ не позволяютъ писать дѣтямъ; такая нелѣпость невозможна для образованной особы. Кромѣ того, очевидна злостная насмѣшка: дурачить такими глупостями серьезный человѣкъ не можетъ. Состояніе, въ которомъ находится медиумъ, характеризуется чѣмъ-то дѣтскимъ, пониженіемъ умственного уровня, злостностью. Наблюденія надъ большимъ числомъ медиумовъ, по убѣжденію почтеннаго женеваго психолога, дадутъ весьма цѣнные результаты.

Казалось бы, что сообщеніе Флюрнау вполне ясно опредѣляетъ отношеніе ученыхъ къ спиритическимъ явленіямъ; но однако оно вызвало удивившее многихъ замѣчаніе одного члена конгресса. Г-жа С. составила ту же азбуку обитателей планеты (кажется, Марса), какую уже составилъ другой извѣстный во Франціи медиумъ Z., а такъ какъ г-жа С. не могла видѣть азбуки г. Z., то..... На это замѣчаніе Флюрнау отвѣтилъ, что, если азбука г-жи С. та же, что и г. Z., то, значитъ, она когда-либо видѣла азбуку г. Z.; на предложеніе оппонента доказать справедливость такого объясненія, Флюрнау вполне разумно отвѣтилъ, что онъ далъ единственное возможное объясненіе и потому не имѣетъ надобности доказывать его вѣрность. Тѣ, кто не удовлетворяется этимъ простымъ объясненіемъ, должны доказать что г-жа С. не видала азбуки г. Z., и пока этого не докажутъ, не имѣютъ права не довольствоваться естественнымъ объясненіемъ, не имѣютъ права допускать сверхъестественное объясненіе самаго простаго факта. Въ данномъ спорѣ повторяется, по мнѣнію Флюрнау, постоянное разномысліе между учеными и спиритами; послѣдніе, вмѣсто того чтобы доказать хоть разъ справедливость своихъ предположеній, требуютъ отъ ученыхъ доказательствъ того, что или не нуждается въ доказательствахъ, или по случайнымъ, внѣшнимъ причинамъ не можетъ быть провѣрено. «Я не нуждаюсь въ доказательствахъ того, что г-жа С. видѣла азбуку г. Z.; вы въ этомъ сомнѣваетесь,—докажите, что она не видала: только тогда вы будете имѣть право не довольствоваться естественными объясненіями», закончилъ свой интересный докладъ Флюрнау.

Затѣмъ входитъ на кафедру Майерсъ и заявляетъ, что онъ ручается за безусловную честность г-жи Томпсонъ; она принадлежитъ къ почтенной лондонской купеческой семьѣ; сдѣланныя надъ нею наблюденія вполне убѣдительны. Майерсъ крайне радъ, что ему удалось найти особу, безспорно обладающую сверхъестественными способностями, и онъ обращаетъ вниманіе конгресса на эти убѣдительныя наблюденія.

Затѣмъ Мутоннье (Moutonnier), отставной профессоръ высшей коммерческой школы, объясняетъ, что онъ также прежде былъ матеріалистомъ; но жизнь убѣдила его въ справедливости воззрѣній спиритовъ. Г-жа Томпсонъ дѣйствительно стоитъ въ общеніи съ высшимъ міромъ, въ чемъ онъ убѣжденъ по слѣдующему факту. Онъ былъ приглашенъ Рише присутствовать въ виллѣ послѣдняго въ Ниццѣ на сеансъ съ г-жей Томпсонъ; по случайной причинѣ онъ не присутствовалъ, и вотъ, когда онъ сидѣлъ въ саду своей гостиницы въ Ниццѣ, входитъ дама, узнаетъ его, называетъ по фамиліи и выражаетъ сожалѣніе, что онъ не былъ у Рише. Эта дама оказалась г-жею Томпсонъ. Для Мутоннье очевидно, что естественнымъ путемъ она не могла узнать всего этого; слѣдовательно, она стоитъ въ сношеніи съ высшимъ міромъ.

Долженъ сознаться, что глубокое убѣжденіе, которымъ была проникнута рѣчь Мутоннье, крайне поучительно и можетъ импонировать колеблющимся.

Болѣе поразительныя явленія наблюдалъ Ванъ-Ееденъ (Van Eeden). Г-жа Томпсонъ узнавала владѣльцевъ вещей; такъ, авторъ показалъ ей платье своего знакомаго, покончившаго самоубійствомъ: г-жа Томпсонъ не только узнала, кому принадлежало это платье, но даже узнала, что его владѣлецъ окончилъ жизнь самоубійствомъ. Авторъ вполне убѣжденъ, что г-жа Томпсонъ обладаетъ сверхъестественными способностями и обладаетъ знаніями, которыхъ нельзя имѣть посредствомъ органовъ чувствъ. Послѣ наблюденій надъ г-жей Томпсонъ авторъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію о невозможности объяснить естественнымъ путемъ нѣкоторыя явленія. Только непосредственное наблюденіе можетъ убѣдить скептика въ существованіи духовъ.

Рише нашелъ нужнымъ дополнить сообщенія Майерса, Мутоннье и Ванъ-Еедена заявленіемъ, что рѣшительно нельзя объяснить естественнымъ путемъ ясновидѣніе и прозорливость г-жи

Томпсонъ. Имѣя несомнѣнные доказательства совершенно необъяснимыхъ явленій, Рише не желаетъ ни отрицать фактовъ, ни давать имъ какихъ-либо объясненій. Весьма вѣроятно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя лица обладаютъ совершенно намъ неизвѣстными и непонятными способностями, и нужно ждать, когда эти способности будутъ открыты; существованіе ихъ мы имѣемъ право допускать; изслѣдованіе этихъ явленій приведетъ къ болѣе поразительнымъ открытіямъ, чѣмъ открытіе Рентгена.

Благодаря такту предсѣдательствовавшаго на третьемъ общемъ собраніи профессора Тарханова, все окончилось благополучно; но на засѣданіи пятой секціи дѣло дошло до того, что профессоръ Эббингаузъ выразилъ сожалѣніе объ извращеніи истинной цѣли конгресса участіемъ въ немъ членовъ, мыслящихъ ненаучно, и высказалъ пожеланіе, чтобы будущій конгрессъ занимался только наукой и потому сообщенія лицъ, вѣрящихъ въ спиритизмъ не допускались бы. Повидимому, большинство было согласно съ мнѣніемъ Эббингауза; но вѣдь избирая правленіе IV конгресса, члены III-го конгресса знали возрѣнія избраннаго ими товарища предсѣдателя.

О другихъ сообщеніяхъ и замѣчаніяхъ лицъ, вѣрящихъ въ медиумовъ, ясновидѣніе и т. п., говорить не буду.

V.

Менѣ всего докладовъ было по соціальной и криминальной психологіи, и, что еще важнѣе, доклады по соціальной психологіи были мало содержательны: многіе авторы не явились на засѣданія, что, какъ я думаю, объясняется далеко не дружественными отношеніями между итальянскими учеными школы Ломброзо и французскими учеными. Особенно жаль, что не было Ферри. Секція имѣла всего два засѣданія.

Нѣтъ возможности и даже нѣтъ надобности говорить о всѣхъ докладахъ по соціальной и криминальной психологіи; въ самомъ дѣлѣ, что можно сказать о докладѣ профессора дрезденскаго политехникума Ф. Шульце «Психологія дикарей». Авторъ вмѣсто доклада представилъ оглавленіе своего послѣдняго труда *Psychologie der Naturvölker*. Онъ «желалъ бы обратить вниманіе всѣхъ ученыхъ, занятія которыхъ имѣютъ соотношеніе съ сравнительной психологіей, на его книгу, озаглавленную *Psychologie*

der Naturvölker». Очевидно, далѣе въ злоупотребленіи правами члена конгресса итти некуда. Шульце злоупотребилъ своимъ правомъ съ умысломъ «обратить вниманіе на ...свой трудъ»; были члены, злоупотребившіе своимъ правомъ по недомыслию.

Полное безсиліе секціи по социальной и криминальной психологіи еще разъ доказало, что безъ участія итальянскихъ ученыхъ ничего сдѣлать нельзя; для многихъ было вполне ясно, что если бы въ занятіяхъ секціи участвовали итальянскіе ученые, было бы совсѣмъ не то.

Чтобы дать понятіе о докладахъ по социальной психологіи, приведу содержаніе двухъ наиболѣе ясно составленныхъ докладовъ.

Докладъ приватъ-доцента лейпцигскаго университета Эйленбурга «Задачи социальной психологіи» состоитъ въ слѣдующемъ. Научная психологія до сихъ поръ занималась только психическими явленіями, проявляющимися въ отдѣльномъ индивидуумѣ. Она искусственно изолировала индивидуума и не занималась психическими явленіями, проявляющимися при сношеніи между собою нѣсколькихъ индивидуумовъ. Уже Гельвецій правильно оцѣнилъ значеніе психологіи народовъ; но эта отрасль знаній до сихъ поръ почти исключительно занималась языкомъ, нравами и мѣрами. Психологія народовъ почему-то по преимуществу занималась примитивными народами, хотя ясно, что изученіе этихъ народовъ не можетъ быть точнымъ, въ виду недостаточности и неточности нашихъ знаній о примитивныхъ народахъ. Напротивъ, изученіе соотношеній между людьми въ современныхъ обществахъ можетъ быть точнымъ и, кромѣ того, мы можемъ изучать такія явленія, выясненіе которыхъ невозможно при изученіи первичныхъ народовъ,—напр. формы совмѣстной работы, происхожденіе общественнаго мнѣнія, чувство чести и т. п. Социальная психологія имѣетъ своею задачею изученіе взаимныхъ воздѣйствій отдѣльныхъ членовъ общества, ихъ соотношенія; она изучаетъ тѣ явленія, которыя обусловлены воздѣйствіемъ отдѣльныхъ членовъ общества, отдѣльныхъ социальныхъ группъ. Поле наблюденій—вся общественная жизнь; въ семьѣ, на рынкѣ и биржѣ, въ городѣ, въ общинѣ образуются все новыя отношенія, все новыя воздѣйствія и взаимодѣйствія.

Особо важною задачею социальной психологіи должно быть опредѣленіе зависимости социальныхъ психологическихъ процессовъ отъ внѣшнихъ условій; можно надѣяться, что будетъ най-

дено функциональное соотношение между внѣшними и внутренними процессами. Соціальная психологія имѣетъ, по мнѣнію автора, очень много задачъ, должна разрѣшить много весьма важныхъ вопросовъ. Авторъ перечисляетъ наиболѣе важные вопросы, но, къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о томъ, что сдѣлано въ этой области.

Давно извѣстно, что ставить вопросы гораздо легче, чѣмъ давать отвѣтъ.

Профессоръ философіи католическаго института въ Парижѣ Буллио (Bulliot) въ своемъ докладѣ «О классификаціи характеровъ и о физиологіи человѣка» старается установить слѣдующіе типы.

1) Человѣкъ работы. Чувствительность и воображеніе развиты мало; мысли и страсти сосредочены на небольшомъ кругѣ предметовъ; умъ положительный, характеръ сосредоточенный, твердый, грустный, терпѣливый; настойчивъ въ работѣ.

2) Мечтатель. Чувствительность весьма развита; слабая воля, слабый интересъ къ дѣйствительности; мало дѣятеленъ.

3) Аффективный; преобладаніе осязательной и аффективной чувствительности, блестящее воображеніе; умъ болѣе блестящій, чѣмъ глубокій; воля слабая.

4) Дѣятель; физическая чувствительность слабо развита; еще менѣе нравственная; постоянная потребность въ движеніи; сильныя страсти; импульсивная воля.

5) Интуитивный человѣкъ (L'intuitif); крайняя воспріимчивость; активное воображеніе; умъ живой, жадно ищущій всего новаго; недостатокъ терпѣнія; воля неустойчива.

6) Мыслитель; сильно развитое вниманіе; умъ размышляющій, систематизирующій, жадно ищущій истины и склонный къ сомнѣнію; нравственное сознаніе сильно развито; воля сильна, неуклонна.

7) Человѣкъ здраваго смысла; уравновѣшенныя способности; здравомысліе; твердая воля; умѣренное честолюбіе, стремленіе занимать общественныя должности и пользоваться почестями.

8) Человѣкъ, увлекающій толпу; удивительная память; универсальный умъ; сильная воля; грандіозныя прихоти; страшная гордость; величіе души; къ этому типу принадлежатъ Александръ Македонскій, Наполеонъ.

Въ характеристикахъ почтеннаго автора много вѣрнаго, почему я и почелъ нужнымъ передать вкратцѣ этотъ докладъ.

По криминальной психологіи не было ни одного доклада, достойнаго вниманія.

О докладахъ по анатоміи и фізіологіи головного мозга, по психіатріи говорить не буду въ виду ихъ спеціального характера и недостатка мѣста.

Какъ видно изъ моего отчета, болѣе всего интересныхъ работъ было представлено по фізіологической и экспериментальной психологіи; второе мѣсто занимаютъ работы по философской психологіи; я думаю, было бы всего благоразумнѣе на будущихъ конгрессахъ ограничиться двумя секціями и не допускать вовсе докладовъ по анатоміи головного мозга, психіатріи, гипнотизму и соціальной психологіи; не слѣдуетъ забывать мудраго правила: *non multa, sed multum*; его къ сожалѣнію позабыли организаторы III-го и IV-го психологическихъ конгрессовъ.

VI.

Закончу отчетъ о конгрессѣ описаніемъ наиболѣе всѣхъ заинтересовавшаго и наиболѣе поразившаго насъ явленія — феноменальныхъ музыкальныхъ способностей мальчика трехъ съ половиною лѣтъ. Этого удивительнаго ребенка демонстрировалъ Рише, за что ему конечно всѣ, видѣвшіе это чудо, очень благодарны.

Seppino Arriola у Rodriguez изъ Ферроля ничѣмъ не отличался отъ другихъ дѣтей, никакими болѣзнями не страдалъ; также и родители его пользовались здоровьемъ и ничѣмъ не выдѣлялись. Когда ребенку было два съ половиною года, его мать, занимаясь въ столовой, услышала, что кто-то подбираетъ ноты на піанино, стоявшемъ въ гостиной. Она вошла въ гостиную, чтобы узнать, кто трогаетъ клавиши ея піанино, и, къ крайнему своему изумленію, увидѣла, что ея сынъ вползъ на стулъ и съ серьезнымъ видомъ подбираетъ ноты. Интересы къ музыкѣ у ребенка все увеличивались, и онъ сталъ наигрывать слышанные имъ мотивы. Учить его музыкѣ такъ же, какъ учатъ другихъ дѣтей, оказалось невозможно; онъ самъ подбиралъ понравившіеся ему мотивы и цѣлыя музыкальныя пьесы, а потомъ игралъ ихъ на память. Въ теченіе полугода онъ дошелъ до того, что свободно разыгрывалъ понравившіяся ему пьесы, — слѣдовательно, когда ему было три года, онъ игралъ на память нетрудныя вещи. Затѣмъ, онъ сталъ

импровизировать. Играетъ онъ только на своемъ пианино — инструментѣ старомъ, дурного тона, но съ очень мягкими клавишами.

Въ нашемъ присутствіи этотъ феноменальный ребенокъ сыгралъ двѣ пьесы (польку и вальсъ), затѣмъ сыгралъ сочиненные имъ маршь и переложенную имъ для фортепьяно мѣстную народную пѣсню. Меня поразило выраженіе лица мальчика во время игры: когда онъ садится или, правильнѣе говоря, его сажаютъ за фортепьяно, обыкновенный трехлѣтній ребенокъ сразу превращается въ серьезнаго, восторженнаго виртуоза. Лицо становится серьезнымъ, задумчивымъ; лобъ наморщенъ, взглядъ сосредоточенный, устремленный; всѣ движенія его плавны, самоувѣренны, спокойны.

Игра доставляетъ ему, очевидно, большое удовольствіе и не утомляетъ его; онъ игралъ тридцать минутъ, съ четырьмя перерывами, длившимися всего около восьми минутъ, такъ что опытъ продолжался 38 минутъ. Я съ часами въ рукахъ опредѣлилъ продолжительность его игры, но оговариваюсь, — я былъ такъ пораженъ этимъ чудомъ, что не ручаюсь за безусловную точность приводимыхъ мною цифръ. Маленькій артистъ игралъ до тѣхъ поръ, пока мать его не останавливала; артистъ сразу превращался въ ребенка; онъ съ восхищеніемъ самъ хлопалъ въ ладоши, по прекращеніи игры; повидимому, аплодисменты слушателей доставляли ему удовольствіе.

Съ технической стороны игра этого феноменальнаго ребенка поражаетъ своею бѣгlostью и чистотою; если бы не недостатокъ силы, то можно было бы подумать, что это играетъ взрослый, хорошо разучившій данную пьесу. Не только лица, понимающія музыку, но и профаны замѣтили, что этотъ ребенокъ-чудо играетъ съ большимъ вкусомъ и толкомъ; фразировка въ его игрѣ была поистинѣ восхитительна. Особенно вкусъ и пониманіе музыки были ясны въ композиціяхъ трехлѣтняго автора; его игра была понятна, онъ отдѣлывалъ то, что должна была выразить его музыка. Композиціи Родригеца, по мнѣнію лицъ, знающихъ музыку, несложны, но музыкальны и богаты. Когда онъ импровизировалъ, онъ не повторялся, переходы были изящны и мягки, и вообще его игра доставляла удовольствіе. Замѣчательно, что трехлѣтній артистъ не беретъ за то, что ему не по силамъ. Вообще, его игра совершенно не похожа на ученическую; всякій чувствуетъ, что артистъ понимаетъ, что играетъ и играетъ то, что хочетъ сыграть.

Когда онъ окончилъ играть, т. е. мать его сняла со стула, ничего необыкновеннаго я въ немъ подмѣтить не могъ; онъ даже не имѣлъ утомленнаго вида. Признаковъ вырожденія я не замѣтилъ.

По словамъ его родителей и теперь онъ ничѣмъ, кромѣ своихъ феноменальныхъ музыкальныхъ способностей, не отличается отъ дѣтей своего возраста; онъ хорошо ѣсть и спитъ; питаніе его удовлетворительное.

Не знаю, чѣмъ объяснить ту непринужденность, съ которою онъ игралъ передъ нами—привычкой или артистическимъ складомъ его натуры; по словамъ родителей, онъ никогда не стѣснялся играть передъ чужими; всегда это доставляло ему видимое удовольствіе; всегда онъ игралъ охотно и не капризничалъ, когда его снимали со стула.

Слѣдующій конгрессъ будетъ въ Римѣ въ 1904 году; такъ какъ одни предпочитали апрѣль, другіе октябрь, и стовориться не могли, то Правленію предоставлено выбрать, по своему усмотрѣнію, мѣсяцъ, наиболѣе удобный, по мѣстнымъ условіямъ. Предсѣдателемъ избранъ извѣстный физиологъ Луціани, а товарищемъ предсѣдателя Сержи.

Въ частной бесѣдѣ нѣкоторые члены конгресса выражали мнѣ пожеланіе, чтобы VI-й конгрессъ состоялся въ Россіи; наше гостепріимство произвело сильное впечатлѣніе и оставило прекрасное воспоминаніе у всѣхъ членовъ XII-го Международнаго Медицинскаго конгресса. Я убѣжденъ, что было бы вполне умѣстно избрать мѣстомъ VI-го психологическаго конгресса Москву или Петербургъ. Во всѣхъ отношеніяхъ такой выборъ мѣста конгресса былъ бы весьма удаченъ; у насъ достаточно ученыхъ; мы имѣемъ, что показать нашимъ гостямъ; психологическій конгрессъ въ Россіи послужилъ бы сближеніемъ нашихъ ученыхъ съ заграничными и еще разъ доказалъ бы наше гостепріимство и сердечность. Для того чтобы VI-й психологическій конгрессъ состоялся въ Россіи, необходимо своевременно стовориться; необходимо, чтобы мы выступили уже въ Римѣ съ готовымъ предложеніемъ. Два—I-й и IV конгрессы были въ Парижѣ, II-й въ Лондонѣ, III-й въ Мюнхенѣ, V-й будетъ въ Римѣ; очевидно теперь очередь за нами.

В. Чижь.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

І. Обзоръ книгъ.

А. Сутерландъ. Происхождение и развитіе нравственнаго инстинкта. Перев. съ англ. Н. Кончевской. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1900. Стр. III—IV + 816. Ц. 1 р. 50 к.

Свое изслѣдованіе Сутерландъ начинаетъ картиннымъ и математически-доказательнымъ изображеніемъ того колоссальнаго процесса уничтоженія жизней, который имѣетъ постоянное мѣсто на земномъ шарѣ. Отъ этого безпощадно-губительнаго процесса спасаетъ виды только пропорціонально-колоссальная плодовитость, быстрое развитіе зародыша и ранняя зрѣлость особей. Правда, всѣ эти *conditiones, sine quibus* поп выживанія низшихъ видовъ животныхъ, не только не способствуютъ, но прямо препятствуютъ сохраненію долѣе развивающихся и потому долѣе беспомощныхъ особей съ болѣе высокой нервной организаціей. Выживанье послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшее безграничное прогрессируванье видовъ, становится возможнымъ лишь тогда, когда родители, обнаруживая хотя слабое стремленіе къ охраненію своего потомства, отпускаютъ его на арену борьбы за существованіе болѣе или менѣе развитымъ и сильнымъ. Впрочемъ, въ царствѣ холоднокровныхъ этотъ благодѣтельный для особи и вида инстинктъ не можетъ быть названъ сознательнымъ и сводится къ механическимъ приемамъ охраненія зародыша. Но у теплокровныхъ, въ царствѣ пернатыхъ и млекопитающихъ, наряду и въ зависимости отъ умноженія и улучшенія механическихъ способовъ родительскаго ухода, замѣчается возрастанье и сознательной привязанности къ потомству (все менѣе многочисленному) и заботы о немъ, доходящей на высшихъ ступеняхъ животнаго царства до самоотверженія.